

П.Е. БЕКТУРГАНОВА

ПОИСК НОВЫХ ПРИНЦИПОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД ПОТЕРИ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ПОЛИТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА В КИТАЕ (1840-1949 ГГ.)

На протяжении нескольких тысячелетий внутренняя и внешняя политика сменяющих друг друга династий на территории Китая определялась мироустроительной доктриной высшей императорской власти, основанной на традиционной концепции универсальной власти Сына Неба - правителя Срединного государства над всей Поднебесной (т.е. всем миром, по китайским представлениям). Согласно данной доктрине императорского Китая, была построена вся теоретическая и практическая деятельность, принципы управления и механизмы организации внутривнутриполитической и внешнеполитической жизни [1, с. 176]. То есть с древности до середины XIX в. исходным принципом Срединного государства в отношениях с внешним миром, известных как система «Китай – данники» или «Китай - вассалы», была позиция китаецентризма.

Сложно представить, что китайцы, отличающиеся особым историзмом, приверженностью традициям и спецификой восприятия, получаемой информации не в абсолютной форме, а обрабатывая сквозь призму собственных понятий, могли взять и отбросить с приходом новых западных ценностей какие-то исконные свои убеждения, а тем более этот культивируемый тысячами исходный принцип, который не мог быть просто забыт и бесследно исчезнуть. Если еще принять во внимание тенденции сегодняшнего времени, когда многие ученые в своих публикациях наблюдают возрождение отдельных элементов традиционного китайско-конфуцианского миропорядка. Поэтому в рамках данной статьи, была поставлена задача, провести ретроспективный анализ процессов вынужденного пересмотра этих многовековых представлений китайско-конфуцианским социумом. Того, как в Китае менялось понимание окружающей Ойкумены и взаимоотношений с внешними народами в процессе освоения и переработки нахлынувших западных ценностей в 100-летний период поиска нового пути развития и новых принципов взаимодействия в мировом пространстве.

После насильственного открытия страны изменения мировосприятия в общественном сознании Китая происходили медленно. Цинская им-

перия, несмотря на то, что ей уже была навязана функция эксплуатируемого компонента, складывающегося мирового капитализма, вплоть до начала XX века продолжала выступать в своей старой роли, как лидер традиционной международной системы «Китай – данники». Агрессия буржуазного Запада воспринималась конфуцианской средой как «бунт лишенных этических норм варваров», забывших о почтительности к Сыну Неба, как их грубое насилие над «Центром Вселенной» [2, с. 443]. Даже созданная в 1861 г. Канцелярия по управлению делами заморских стран – Цзунлиямынь была институциональной уловкой перед странами Запада, играя роль ширмы для свидетельства готовности Цинского двора к уступкам и установлению принятых среди них норм внешнеполитических сношений [1, с. 192]. Истинный же поворот был совершен только после драмы «боксерского восстания» и позорного поражения восьми державам, в удовлетворение требований которых было создано Министерство иностранных дел по европейскому образцу в начале XX века.

Тем не менее, уже в середине XIX века, в череде военных поражений, приведших к утрате страной полноты государственного суверенитета, в правящих кругах династии Цин появились сторонники перемен, осознавшие необходимость хотя бы минимального обновления режима. Понимая, что политика внешней изоляции Китая далее просто невозможна, эти поборники «усвоения заморских дел» (янью юньдун) инициировали пусть и ограниченные, но важные реформы «самоусиления» (цзыцян), благодаря которым в стране появились военная и гражданская фабричная промышленность, первые железные дороги, новые суда и телеграф, частично модернизированные вооруженные силы, новые специальные учебные заведения [2, с. 477]. Конечно, конфуцианская традиция требовала легитимизации самой возможности заимствований извне цивилизацией, сделавшей передачу основ своей культуры принципом взаимодействия с окружающим миром. Теоретическое обоснование заимствования технических достижений Запада осуществили ученые-шэньши Вэй Юань и Фэн Гуй-

фэнь через подчеркивание превосходства морально-этических принципов, заложенных конфуцианством. В китайской мысли второй половины XIX в. это было сформулировано сановником Чжэн Гуань-инем следующим образом: «...восточное учение — основное, западное учение — прикладное» (чжун сюе вэй бэнь, си сюе вэй юн) [7, с. 334].

Хотя политика «самоусиления» была расценена как провалившаяся после сокрушительного поражения Китая от Японии в войне 1894-1895 гг. за Корею, в наследство от нее остались первые отряды новой интеллигенции и начальное восприятие достижений западной общественно-политической мысли. То есть, подспудно происходила эволюция «думающего» сословия, испокон веков, несшего охранительные функции системы государственной власти и ее идеологии - той самой китаецентристской доктрины «Мирустроения», несостоятельность которой в современную эпоху ими все яснее осознавалась, как и необходимость восприятия действующих внешнеполитических норм на мировой арене. В стремительном вовлечении страны в качестве полуколониальной периферии в мировой рынок после «опиумных войн», реформах «самоусиления», и при явной неспособности маньчжурской монархии к проведению эффективной модернизации, защите интересов страны от иностранного вторжения, и уж тем более поддержанию мироустроительной доктрины «Китай - данники», передовым шэньши (ученым мужам) становилось очевидным, что нужны реформы с более широким заимствованием опыта европейцев в развитии общественно-правовых институтов, образования, науки и техники.

Рассчитывая укрепить страну путем политики протекционизма и поощрения национального капитала, идеолог реформаторов Кан Ювэй, представил Конфуция, одним из первых реформаторов китайской традиции, и считал, что через десять лет после осуществления его программы Китай смог бы завоевать гегемонию над остальными странами. Цель реформаторов состояла не в создании буржуазного общества, а в возрождении могучей конфуцианской империи, восстановлении международного престижа Китая. Мечтая о мировом правительстве, Кан Ювэй продолжил разработку древней теории «Датун» («Великого Единения»), синтезируя учения конфуцианства, буддизма, даосизма, уравнительного крестьянского социализма и некоторые сведения

об общественном строе буржуазного Запада [см. 3]. Другая видная фигура идейной жизни Лян Цичао открыл для китайцев «национализм», чтобы повысить уровень сплоченности и социально-политической интеграции ханьцев, укрепить их общность в рамках государства, и поднять чувство собственного достоинства – «народный дух» (миньчи) ханьцев. Мыслитель уверял, что: «Китай XX века непременно гордо воспарит в мире», так как объединенные национальным духом 400 миллионов трудолюбивых китайцев с их капиталом и рабочей силой включатся в мировое экономическое соперничество (пинчжэн цзинчжэн), источники богатства переместятся и окажутся в руках китайцев и плодами прогресса воспользуется только китайская раса. То есть залогом будущего «Великого Единения» (Датун) человечества, в котором ведущая роль по «умиротворению Поднебесной» будет принадлежать китайцам, Лян Цичао считал фактор устойчивой прогрессии численности ханьцев (квантитативный фактор), которых нужно сплотить в единую нацию (гоминь). Мыслитель призывает заимствовать полезные западные достижения, но считает, что опираться при этом нужно на конфуцианскую культуру, сыгравшую решающую роль в становлении китайской цивилизации [см. 4]. Реформаторы сдвинули мировоззрение господствующих слоев в сторону понимания бессилия Среднего государства для преодоления завоевателей путем культурной ассимиляции как прежде, и необходимости принятия порядков внешнего социума для возрождения могущества страны.

Более радикально внушали мысль по поводу архаичности традиционных представлений об архитектонике мира, соприкоснувшиеся с европейской культурой и западным образом жизни представители новой интеллигенции, мелкой и эмигрантской буржуазии, не связанные с господствующим классом, существующего монархического режима, не понимавшие специфику функционирования традиционной системы управления, не видевшие перспектив в ее дальнейшем развитии ни для своей страны, ни для себя, а потому вставшие на путь ее свержения. Лидер революционного движения Сунь Ятсен стал пропагандировать национализм, основанный на убеждении, что только после преобразований в результате революционного свержения деспотизма инородной маньчжурской династии возможно восстановление государственного престижа Китая. Таким образом, происходивший всю вто-

рую половину XIX века процесс ознакомления с западными нормами международных отношений, привел мыслящих и активных деятелей Китая к убеждению о неизбежности пересмотра традиционных взглядов на Ойкумену. Вместе с осознанием необходимости восприятия действующих на мировой арене внешнеполитических норм, передовые слои общества, все больше проникались идеями национализма и целью спасти родину, используя опыт Западных стран.

Целенаправленное восприятие западных ценностей и поиск возможностей их совмещения с собственными представлениями, так как огромный пласт многотысячелетних традиций вполне закономерно не мог позволить просто откеститься от старых убеждений, стимулировалось множеством различных факторов, имевших место в истории Китая с конца XIX в. по 20-е годы XX в. Ломка в мировоззрении правящей элиты Средней империи подстегивалась преобразованиями «новой политики» маньчжурских властей, наконец решившихся на более серьезные перемены после ихэтуаньской катастрофы. Действительно социальным потрясением явилась отмена экзаменационной системы в 1905 г., когда многие образованные китайцы, видевшие единственный путь к продвижению по социальной лестнице в сдаче экзаменов, и все еще поддерживавшие незыблемость старых порядков, оказались на распутье. Их таланты и способности, естественно, требовавшие выхода, могли переориентироваться теперь лишь в сторону получения нового западного образования и пополнения рядов тех, кто проникался модернизаторскими идеями реформаторов или революционеров. В 1905-1907 гг. повсеместно развернулось либерально-конституционное движение. Политически активная часть патриотической элиты Китая - прогрессивные шэньши, педагоги, ученые, кандидаты на государственные должности, купцы, учащаяся молодежь, стали требовать введения конституции, т.е. ограничения монархии, а также местного самоуправления. Под давлением Цины уступают и направляют ряд комиссий и отдельных государственных деятелей в европейские страны и США для изучения конституционного строя в этих странах.

Сам факт данных преобразований означал, что маньчжурский абсолютизм, представлявший своей монархической сутью костяк, сложившийся в глубокой древности «мироустроительной системы», вводя изменения в схему управления,

даже объявляя власть императора неподотчетной конституции и парламенту, менял механизм иерархической пирамиды, описанной еще в трактате «Чжоули» (III в. до н.э.), и тем самым нарушал весь китайский мировой порядок, по которому мандат (тяньмин) на правление Поднебесной получал только Сын Неба, являясь единственным высшим посредником между небом и землей. Теперь следовало постепенно разработать и предложить соответствующую изменениям, обновленную официальную идеологию, поддерживающую новое устройство государства и новые взаимоотношения с миром, но этому не суждено было осуществиться. Конфуцианские ученые находились в глубоком кризисе, чтобы своевременно скорректировать охранительную идеологию, и ее фактический распад ускорил падение оставшегося без поддержки монархического режима. Осенью 1911 г. мощный социально-политический взрыв уничтожил Цинскую династию, а вместе с ней и монархический режим – стержень китайской мироустроительной системы, символизируя уход в прошлое принципов взаимоотношений на международной арене с позиции «Китай - варвары» или «Китай – данники».

Но это не привело к ликвидации восточной деспотии, облачившись в республиканские одежды, она еще сильнее заискивая перед иностранным капиталом, стала более тяжелым балластом, тянущим Китай на дно. Хотя раздробленность, усиление полукOLONиальной зависимости, и идеологический плюрализм послесиньхайской эпохи ускорили процесс выработки идейно-политических ориентиров национального спасения и поиска нового пути развития в мировом пространстве. Стремление образованных китайцев обновить и модернизировать Китай, найти новые принципы взаимодействия с внешним окружением, происходило на фоне, когда мировое сообщество приступило к систематическому изучению причин конфликтов и войн, средств и способов достижения порядка и мира между народами, правила их взаимодействия и т.п. вопросов. Для освоения западных теорий предлагался широкий спектр обсуждений. Отличавшиеся от традиционного мышления теории различных западных школ, меняли подход к оценке исторического места китайской цивилизации, способствуя утверждению важности синтеза культур в ходе включения Китая в мировое развитие. Китайские идеологи пытались подобрать и синте-

зирать самые приемлемые из них, чтобы продолжить собственный путь. По понятным причинам в Китае не пользовался популярностью политический реализм, больше увлекались либерально-идеалистической парадигмой, анализировали труды Иммануила Канта. После окончания первой мировой войны особые надежды возлагались на «14 пунктов» американского Президента Вудро Вильсона, разработанных для создания Лиги Наций. С неменьшим интересом изучался марксистский взгляд на международные отношения.

Мыслящие люди понимали, что страна на перепутье, нужно создавать новую государственность, обновлять жизнь и ощущали потребность внутривластной консолидации в обстановке дезинтеграции. Представители старой интеллигенции (те, кто получил традиционное образование), остро переживая дробление великой империи, апеллировали к конфуцианству, возвеличивали традиционные духовные ценности. Среди них были и Кан Ювэй и Лян Цичао, кроме того, их ряды пополнились видными мыслителями, обращавшимися до революции к западной культуре, такими как Янь Фу, Ян Ду, Ван Говэй и другими, разочаровавшимися в европейских ценностях и осознавшими живительную силу собственных традиций. Наиболее ясно их позиция выражена Лян Шумином: «китайско-конфуцианская культура в перспективе вытеснит все другие и станет мировой» [7, с. 431]. Надо сказать, деятели этого идейного течения, понимая все теоретически, не видели и не предлагали конкретных программ для реализации своих идей, больше рассчитанных на будущее, чем на современное им время. Думается, именно поэтому в тот момент они не могли сплотить активные массы населения, но сыграли свою роль, закладывая мысли о больших потенциях традиционных ценностей в сознание будущих лидеров Китая.

Представители новых образованных за рубежом и в Китае слоев, ратовали за продолжение обновлений, организовали «Движение за новую культуру», критиковали конфуцианство, призывали смело заимствовать западные институты, еще не осознав противоречия с империалистическими державами и полукOLONиальное положение страны. Поворотным в их понимании подлинных национальных интересов и выдвижении проблемы национального суверенитета на первый план было «Движение 4 мая». Взоры патриотической молодежи, искавшей простых и быстрых

решений, трудных проблем национального и социального освобождения страны, обратились к революции Октября в России, провозгласившей новый тип международных отношений на принципах пролетарского интернационализма, мирного сосуществования государств с различным строем, равенства, добрососедства, невмешательства в дела других государств. Авторитетные лидеры обновленцев Чэн Дусю и Ли Дачжао стали марксистами и вооружились ленинизмом, представляя докапиталистический характер Китая благоприятной предпосылкой социалистического развития, а экономическую отсталость преимуществом, для «объединения китайских трудящихся с силами мирового социализма, чтобы сообща раздавить капиталистов и построить социалистическую Поднебесную». Рецепты идей социализма расценивались как радикальный разрыв с традиционной идеологией и порядками, хотя больше всего соответствовали традиционному типу сознания, стремящегося к «справедливому» и «гармоничному» социальному порядку через тотальное регулирование государством жизни общества, что было причиной возрастающего роста популярности марксизма [7, с. 434].

Взгляды Сунь Ятсена тоже претерпели существенную трансформацию, приведя его к новому осмыслению традиционной китайской мысли и плодотворному совершению синтеза традиционных идей и «западных» теорий. Это видно на эволюции «трех народных принципов». Принцип «национализма», понимаемый ранее как свержение маньчжур и возвращение власти в руки ханьцев, теперь был переосмыслен. Главной причиной Сунь, все-таки признал «отсутствие объединения» у ханьцев, что препятствует действительному отпору «империалистической агрессии», и выдвинул «революционные принципы» в качестве цементирующей силы всех соплеменников. Сунь Ятсен принял решение реорганизовать партию Гоминьдан и создать сильную армию для осуществления «национальной революции», чтобы объединить и освободить Китай от милитаризма и колониальной зависимости. При этом Сунь убежден в приоритетности мирных средств восстановления национального суверенитета и расторжения неравноправных договоров, так как рассчитывает заинтересовать великие державы большей выгодой от потенциала развития огромного рынка Китая, а также получить от них техническую и экономическую помощь. Второй принцип «народовластия» также был доработан.

Сунь Ятсен осознал отсутствие демократических традиций в Китае, то о чем били тревогу традиционалисты, отзывая от «слепого подражания западной политике, обычаям, религии, идеологии», и призывая, вернуться к «тысячелетиями устанавливавшейся китайской национальной культуре и национальному духу», т.е. традициям авторитарного правления. В отличие от них, Сунь нашел выход и выдвинул концепцию «материнской опеки», согласно которой для политического воспитания китайского народа к формам государственной жизни в демократическом духе требуется время и опекун в лице мощной партии-руководителя. В этой роли он видел партию Гоминьдан. Был усовершенствован и третий принцип «народного благоденствия». Сунь Ятсен пересмотрел программу возрождения Китая и заложил основы социально-экономических и политических преобразований. Уверенный в творческих способностях и исключительности китайской нации, Сунь выдвигает концепцию «ускоренного прогресса» в желании направить Китай иным третьим путем, найти «китайское» решение быстрой и безболезненной модернизации общества и дополняет идею промышленной цивилизации традиционными представлениями о решающей роли государства. Сунь Ятсен сочетает, а не противопоставляет национальное и социальное освобождение, отвергая классовую борьбу, и видя движущую силу исторического прогресса в «примирении интересов громадного большинства общества», он подчеркивает, что «народное благоденствие» и есть коммунизм, древняя китайская идея «великой гармонии» (Датун). Такой социальный идеал притягивал массы и «три народных принципа» стали знаменем национально-освободительного движения и единого фронта [см. 5].

Таким образом, в результате процесса восприятия западных норм, активность которых наблюдается с конца XIX в. китайскими идеологами, наконец, был осуществлен выбор в 20-е гг. XX века. А именно, Сунь Ятсеном указан собственный китайский путь развития, предложены механизмы для достижения цели и отданы предпочтения позициям кантианского либерализма на международной арене, т.е. Китаю надлежало решать вопросы национального суверенитета и расторжения неравноправных договоров с державами с помощью дипломатических методов и договорно-правовых отношений. На другой путь встали те, кто избрал марксизм-ленинизм с его

принципом пролетарского интернационализма и идеей мировой революции.

С 20-х годов до середины XX века, следуя по указанному «отцом нации» пути, Гоминьдан определял возможности конфуцианизации кантианства. В интерпретации истолкователя суньятсенизма Дай Цзитао «три принципа», ставшие основой гоминьдановского режима, приобрели «вселенское» содержание, выступая с идеей лидерства Китая в некоем «Национальном интернационале» «всех угнетенных наций и государств». В этом русле определял свою деятельность Чан Кайши, мечтая в «Судьбе Китая» восстановить территорию страны в пределах Дацинской империи расцвета, уделяя во время тихоокеанской войны большое внимание повышению роли Китая на международной арене, чтобы сделать его лидером азиатских народов, развивая суньятсеновское представление о «великой гармонии» (Датун) как о социальном идеале Гоминьдан, и представляя «китайский» путь развития общества как столбовую дорогу человечества. Но вместе с тем, изначально, став главой Нанкинского правительства, Чан Кайши сосредотачивает усилия во внешней политике на отмене неравноправных договоров, и получении помощи от держав: политической, военной, экономической. Он считает главной причиной отсталости Китая империалистическую систему неравноправных договоров. В процессе восстановления суверенитета происходит оформление внешнеполитических принципов в соответствии с международными нормами, которые демонстрируют зрелость с каждой программной акцией внешнеполитического курса Гоминьдан в ходе войны китайского народа против японских агрессоров [см. 8]. А в годы гражданской войны Национальным собранием принята Конституция 1947 года, действующая и поныне, где подтвержден постулат о построении Китайской Республики на основе «трех народных принципов», и определены позиции внешней политики, согласно которым, она будет руководствоваться принципами независимости, самостоятельности, а также равноправия и взаимной выгоды, будет направлена на улучшение дружественных отношений между странами, соблюдение пактов и договоров и исполнение Устава ООН.

Параллельно с гоминьдановцами в тот же промежуток времени созерцали верность другого направления лидеры китайских коммунистов, следуя по пути китаизации марксизма, и его

принципа пролетарского интернационализма. Неразрывно со всеми вышеизложенными процессами того сложного периода китайской истории, протекало формирование мировоззрения руководителей КПК Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Дэн Сяопина и шло становление принципов внешней политики КНР. Исходя из приобретенных тогда убеждений о движущих силах общественного развития, о человеческой природе, о центральных конфликтах и противоречиях эпохи, они вершили судьбу китайского народа во второй половине XX в., и определяли внешнюю политику страны. Впитав со школьной скамьи идеи превосходства китайской культуры, Мао использовал древние каноны в политической практике и для конструирования социально-политических, экономических и философских основ своих идей. Будучи националистом и ища рецепты возрождения процветающего Китая, Мао воспринял марксистско-ленинскую идею «мировой революции» и классовой борьбы, стал упорно двигаться к цели, не признавая интернационализм и делая упор на национальные особенности Китая. Работы Мао, анализируя фундаментальные проблемы китайской революции, затрагивают вопрос огромного значения роли крестьянства в национально-освободительной борьбе, предлагают стратегию затяжной войны. Выкристаллизовавшиеся в до-яньанской постоянной борьбе за власть взгляды о внутренней и внешней политике Мао стали определять внешнеполитический курс партии, выбор позиций на международной арене, как и все остальное, когда Мао становится главным идеологом и теоретиком КПК в конце 30-х. В Яньани Мао приступил к «китаизации марксизма», представив идеал социализма и коммунизма не как привнесенный извне, а внутреннюю потребность китайского народа, традиционную мечту «всеобщей любви» Мо-цзы, или «великую гармонию» из «Лиунь», конечную цель КПК, являющуюся авангардом Китая - решающей силы Востока, воспринявшего вновь. В поисках идеи сплочения китайской нации вокруг КПК и «своего китайского пути» Мао обращается к наследию Сунь Ятсена, формулирует и развивает концепцию «новой демократии», опираясь на «три народных принципа», внося важные ленинские понятия «классы» и «диктатура». В новой концепции Мао выдвигает на первый план идею национального спасения, идею сплочения во имя борьбы с японской агрессией и шире – борьбы против империалистического гнета. На-

циональное освобождение и возрождение величия китайской нации - исходные моменты концепции «новой демократии». В Яньани оформляется и социальный идеал Мао Цзэдуна, на базе идеализации казарменного быта кадровых работников, и вобравший многие традиционные утопические представления типа «великой гармонии» (Датун), веками питавшие идеологию народных выступлений. Широко известный во всем мире как тонкий политик и искусный дипломат Чжоу Эньлай, занимался вопросами внешней политики и дипломатии с яньанского периода. Дипломатическим университетом для Чжоу Эньлая стало пребывание в Чунцине, где он сформулировал основные методы дипломатии КНР и внес огромный вклад в формирование основ внешней политики и выдвижение установок по конкретным вопросам [см. 6].

Так как до середины XX века ни гоминьдановцы ни коммунисты не обладали полнотой власти на всей территории Китая, и Гоминьдан и КПК получили возможность апробировать избранное направление только на следующем этапе, став полноценными хозяевами на острове и на материке соответственно. Апробация суньятсеновского пути на Тайване прошла быстро, учитывая малые размеры территории и населения, с которыми остался Гоминьдан, к тому же исправивший прежние перекосы и ошибки. Уже с 1960-х годов осуществляя модернизацию «Сяокан» (малого благосостояния), тайваньцы мобильно восстановили силы и неизменно движутся к главной цели – «Датун», придерживаясь принципов, обозначенных в Конституции 1947 г., несмотря на то, что после ухода на Тайвань внешняя политика Чан Кайши была поставлена американцами под контроль. Гоминьдан жестко отсек идею «двух Китаев», которую предложил Вашингтон в конце 50-х, чтобы превратить Тайвань в независимое государство и ликвидировать все аномалии с международным статусом острова и представительством Китая на мировой арене, но очевидной для Чан Кайши становилась и нереальность «возвращения на материк» с военным контрнаступлением. С середины 60-х он утверждает, что объединение будет естественным, по мере принятия китайским народом «трех народных принципов» Сунь Ятсена. На XII конгрессе 1981 г. Гоминьдан снял лозунг «контрнаступления на материк» по инициативе Цзян Цзинго, и выдвинул идею объединения Китая «на основе трех народных принципов Сунь Ятсена», в

ответ на формулу КПК «одно государство – две системы». Предложение вполне обосновано, учитывая, что «три принципа» были идеологической основой сотрудничества Гоминьдан и КПК в 1923-1927 гг. и в 1937-1945 гг., а также тот факт, что послереформенное экономическое развитие КНР во многом является реализацией суньятсе-новских планов.

В континентальном же Китае апробация затонула до конца 70 гг. XX века. Несмотря на то, что созревшие и оформлявшиеся весь предшествующий период, основополагающие и универсально применимые на международной арене «пять принципов мирного сосуществования» КНР приобрели законченные очертания уже в середине 1950-х годов XX века, руководителям КПК понадобилось время, чтобы убедиться в том, что надо твердо их придерживаться. И пока «великий кормчий», воспринявший марксизм-ленинизм с его принципом пролетарского интернационализма, не провел все свои эксперименты, практикуя различные способы применения китаизированного марксизма, и воплощая идею мировой революции, Китай, естественно, дрейфовал и на просторах международной арены и в океане внутренних неурядиц. Только к концу 70-х КНР медленно разворачивается в сторону, указанную Сунь Ятсеном, и утверждается в 80-е гг. XX века в твердой необходимости придерживаться «мира и развития», и также находит спасение в модернизации «Сяокан», а к 2050 году планирует достичь общественного процветания на высшем мировом уровне – «Датун». В данном случае заслуга руководителей КНР, главная роль среди которых всецело принадлежит Дэн Сяопину, в конструктивном синтезе всех апробированных направлений и выработка действительно китайского пути развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корсун В.А. Китайский мировой порядок // Китай в мировой политике. – М.: МГИМО; РОССПЭН, 2001. – 528 с. – С. 180.
2. Непомнин О.Е. История Китая: Эпоха Цин XVII – начало XX века. – М.: Восточная литература, 2005. – 712 с.
3. Максимов Д. Политико-правовые взгляды Кан Ювэя. // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – №5. – С. 108 – 118.
4. Москалев А. Национализм Лян Цичао и современность // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – №5. – С. 106 – 120.
5. Тихвинский С.Л. История Китая первой четверти XX века: Доктор Сунь Ятсен / Избранные произведения: в 5 кн. – М.: Наука, 2006. – 388 с.
6. Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости, 1898-1949. По материалам биографии Чжоу Эньляя. – М.: Изд.фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 575 с.
7. История Китая: учебник для студентов вузов / Под ред. А.В. Меликсетова. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 736 с.
8. Каткова З. Д. Внешняя политика Гоминьдановского правительства Китая в период антияпонской войны (1937 - 1945). – М.: Наука, 1978. – 240 с.

Резюме

Қытайдың сыртқы саясат принциптерінің ХІХ ғасырдың ортасында елге отаршылдардың күшпен енуі кезеңінен бастап жүз жылда даму эволюциясына халықаралық қатынастар жүйесінің трансформациясы және қытайлық социумның мәдени тарихи ерекшеліктеріне орай талдауға арналған.

Summary

This article is the analysis of the evolution of foreign policy principles of China from the period of forced opening of the country in the middle of XIXth century up to XXth. This entire 100 years cover the time when Chinese people were searching for their own place in the world and new development way in the context of transformation of international relations system and accounting cultural and historical peculiarities of Chinese society.